

Сулейманов Д.И.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2023.73.115-128

УДК: 343.1

Парадоксы резолюции ПАСЕ № 1900 «Определение политического заключенного»

Аннотация: В последнее время отмечаются поползновения «друзей» Азербайджана раскрутить маховик порядком замшелого вопроса о политзаключенных с прицелом его использования в отношении лиц, задержанных в результате антитеррористических мероприятий локального характера по восстановлению конституционного строя на всей территории нашего государства.

Душок из тех же выгребных ям спецслужб, камуфлирующих бизнес-проекты хозяев по вмешательству во внутренние дела самодостаточных государств и народов, тогами защитников прав человека поверх накидок крестоносцев.

С 2012 г. при той же методике двойных стандартов в указанных целях задействуется жупел резолюции ПАСЕ № 1900 «Определение политического заключенного».

Однако, Резолюция № 1900(2012) «Определение политического заключенного» и пояснительный Меморандум к ней содержат противоречия, алогизмы и неточности, исключающие применение образовавшегося конгломерата по предназначению.

Понятия «политические причины» и «политические мотивы» подлежат конкретизации, поскольку существующие определения чреватые неоднозначным толкованием.

Неоднократно употребляя термины «доказательство» и «доказывание» разработчики и «Доклада» и «Резолюции» игнорируют положения национальных законодательств, сводя эти понятия до житейско-обывательского уровня.

Ключевые слова: политический заключенный; резолюция ПАСЕ; Европейская конвенция о защите прав и основных свобод; бремя доказывания; политические причины и мотивы.

3 октября 2012 г. Парламентская Ассамблея Совета Европы по докладу депутата К. Штрассера приняла Резолюцию № 1900 «Определение политического заключенного», тем самым признав данность политико-правовой категории [8, с. 41-42].

Рекомендуемая дефиниция и её толкование (решения ПАСЕ имеют рекомендательно-консультативный характер) представлены в двух аспектах, политические и правовые составляющие взаимосвязаны и взаимообусловлены, однако, с нашей точки зрения, содержащиеся в них противоречия и неточности исключают применение образовавшегося конгломерата по предназначению.

Автор этих строк присутствовал в ПАСЕ при принятии Резолюции № 1900, имел ряд встреч с депутатами от разных стран и организаций, в том числе с господином Кристофом

* Сулейманов Джаваншир Ислам оглы – эксперт Института права и прав человека, доктор юридических наук, профессор (Азербайджан). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

Штрассером, президентом Грузии уважаемым Михаилом Саакашвили, оказавшим нам всестороннюю поддержку, изложил свои соображения, однако...

Представляется, что принятию мертворожденных рекомендаций резолюции №1900 способствовали все депутаты ПАСЕ, в том числе и от Азербайджана, которые акцентировали свои силы и знания на их политическом аспекте, полностью игнорируя правовые составляющие.

Для того, чтобы утверждать о наличии или отсутствии явления, необходимо прежде его обозначить, определить суть, структуру, взаимосвязи элементов, а, главное, методику выявления. К сожалению, эти вопросы ни одним из голосующих затронуты не были.

Согласно ст. 3 Резолюции ПАСЕ №1900(2012), лицо, лишенное личной свободы, следует считать «политическим заключенным» в следующих случаях:

«а. если лишение свободы было произведено в нарушение одного из основных прав, гарантированных Европейской Конвенцией о защите прав человека (ЕКПЧ) и Протоколами к ней, в частности, свободы мысли, совести и религии, свободы выражения мнения и информации, а также свободы собраний и объединений;

б. если лишение свободы было применено по явно политическим причинам, без связи с каким-либо правонарушением;

с. если по политическим мотивам продолжительность содержания под стражей и его условия являются явно непропорциональными правонарушению, в совершении которого лицо подозревается или признано виновным;

д. если, по политическим мотивам, лицо содержится под стражей на дискриминационной основе по сравнению с другими лицами, или,

е. если лишение свободы является результатом судебного разбирательства, которое было явно несправедливым, и это, как представляется, связано с политическими мотивами властей».

Согласно ст. 4 Резолюции, «... лица, лишённые личной свободы за террористические преступления, не считаются политическими заключёнными если судебное разбирательство и вынесение приговора за такие преступления произведены согласно национальному законодательству и Европейской Конвенции о правах человека» [8, с. 41-42].

Принятию Резолюции предшествовал пояснительный меморандум г-на К. Штрассера, в числе прочих, содержащий нижеследующие положения.

В частности, в докладе указывается, что с участием независимых экспертов определены критерии, позволившие подразделить все преступления на чисто политические, другие поли-

тические и неполитические, а также сформулировать суть бремени доказывания, выводы и т.п.

К чисто политическим отнесены (п. 8) «... преступления, которые влияют только на политическую организацию государства, в том числе «клевета» на органы власти или аналогичные преступления». Вместе с тем, далее в докладе говорится (п. 9), что «не все преступники, находящиеся в заключении за такие правонарушения, являются «политическими заключенными», поскольку «... иногда политические высказывания выходят за рамки, установленные Конвенцией, например, когда они подстрекают к насилию, расизму и ксенофобии»».

Далее, в этом же пункте доклада дословно говорится следующее: «Поскольку Конвенция должна толковаться последовательно, без противоречий, человек, понесший наказание в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Конвенции, не может считаться незаконно заключенным под стражу в соответствии со статьей 5, и поэтому не может считаться политическим заключенным. Однако, следует понимать, что наказание за политические высказывания, которые, в принципе, не защищены статьей 10, может представлять собой нарушение Конвенции (и, следовательно, привести к тому, что заключенный будет считаться «политическим»), если наказание является несоразмерным, дискриминационным или является результатом несправедливого судебного разбирательства» [2].

Аналогична суть раздела 3.2 доклада «Другие политические преступления», который относит к таковым уголовно наказуемые деяния, «... когда преступник действует по политическим мотивам (а не из личной выгоды), и преступления наносят ущерб не только интересам государства, но и другим людям – например, террористические акты. Очевидно, что государство, под чьей юрисдикцией были совершены такие деяния, имеет не только право, но также позитивное обязательство осуществлять уголовное преследование за такие преступления. Следовательно, лица, отбывающие наказание за такие преступления или содержащиеся под стражей по подозрению в совершении таких преступлений, не являются политическими заключенными. Однако могут возникнуть исключения, аналогичные описанным выше, когда наказание является несоразмерным, дискриминационным или является результатом несправедливого судебного разбирательства».

В разделе 3.3 доклада (п. 11), озаглавленном «Неполитические преступления», дословно говорится «Лица, лишённые свободы в связи с неполитическими преступлениями (т.е. любыми другими преступлениями, когда ни *actus reus* (объективная сторона преступления), ни *mens rea* (субъективная сторона преступления) не имеют политического оттенка), как правило, не являются политическими заключенными. Опять же, и из этого правила существуют исключения. Лицо, осужденное за неполитические преступления, может быть политическим заключенным, если при лишении лица свободы власти руководствовались политическими мотивами. Это может быть очевидным, если приговор абсолютно несоразмерен преступлению и/или если разбирательство было явно несправедливым» [2].

Таким образом, как и в предыдущих положениях, вопрос о признании лица «политическим заключенным» связывается с несоразмерностью и дискриминационностью наказания, несправедливостью судебного разбирательства.

В разделе 3.4 «Бремя доказывания» указано (п. 12): «Распределение бремени доказывания особенно важно в этой области, где многое зависит от «политических» или других мотивов правонарушителя или властей. Независимые эксперты Совета Европы использовали сле-

дующий согласованный подход: те, кто утверждает, что конкретный человек является политическим заключенным, должны представить соответствующие материалы по делу. Эти материалы затем передаются соответствующему государству, которое, в свою очередь, имеет возможность представить доказательства, опровергающие эти утверждения. Как резюмировал Стефан Трехсель, «если государство-ответчик не может доказать, что лицо лишено свободы в полном соответствии с требованиями ЕКПЧ в интерпретации Европейского Суда по правам человека, настолько, насколько это касается существа дела, что были соблюдены требования пропорциональности и недискриминации, и что лишение свободы явилось результатом справедливого судебного разбирательства, заинтересованное лицо считается политическим заключенным»».

Далее в п. 13 этого же раздела говорится, что «... лица, уполномоченные установить политический характер содержания под стражей, могут также применять *mutatis mutandis* (с учетом соответствующих различий; с соответствующими изменениями, вытекающими из обстоятельств (сноска наша)), прецедентное право Европейского Суда по фактическим выводам в случаях, когда государство-ответчик отказывается сотрудничать и предоставить документы или другую информацию, находящуюся в исключительном распоряжении властей» [7].

В разделе 3.5 доклада «Резюме критериев» перечисляются факторы, при наличии которых лицо, лишённое свободы, следует считать «политическим заключенным» и оговаривается ряд процедур, необходимых для этого. В частности, в п. 15 данного раздела говорится: «Утверждение о том, что лицо является «политическим заключенным», должно подтверждаться доказательствами *prima facie* (очевидное и достаточное доказательство, кажущееся достоверным при отсутствии опровержения (сноска наша)), а государство обязано доказать, что задержание было произведено в полном соответствии с требованиями ЕКПЧ в интерпретации Европейского Суда по правам человека, настолько насколько это касается существа дела, что были соблюдены требования пропорциональности и недискриминации, и что лишение свободы явилось результатом справедливого судебного разбирательства».

Определенный интерес представляет п. 16 раздела 3.5 Доклада, в котором говорится следующее: «Внимательный анализ критериев показывает, что лицо, признанное «политическим заключенным», не обязательно «невиновно». «Политический» аспект дела может заключаться, например, в избирательном применении закона, или в непропорционально суровом наказании по сравнению с лицами, осужденными за аналогичные преступления вне «политического» контекста, или, наконец, несправедливом разбирательстве, которое может, тем не менее, привести к лишению свободы виновного лица. Признание заключенного «политическим», следовательно, не обязательно требует его немедленного освобождения – новое, справедливое судебное разбирательство вполне может быть наиболее подходящим средством. Однако, с учетом времени, которое многие из таких заключенных уже провели в заключении, их незамедлительное освобождение, даже если они на самом деле «виновны» в инкриминируемых им преступлениях, часто является единственным средством, чтобы развеять подозрения, что строгое обращение с лицом обусловлено «политическими причинами»» [2].

В качестве лирического отступления отметим, что азербайджанскими исследователями по подобной методике было условно подсчитано количество политзаключенных по состоянию на 2019 г. во Франции и США, в результате чего в списках оказалось более 11 тысяч и

100 тысяч человек соответственно. К сожалению, эти данные в Азербайджане оказались не востребованными [12].

Теперь же, попробуем определить корреляции между Резолюцией, докладом и его разделами. Так, в докладе говорится о «чисто политических преступлениях», «других политических преступлениях» и «неполитических преступлениях», однако подобная классификация в Резолюции отсутствует. Более чем очевидно, что такое деление условно, поскольку противоречит основам уголовного права, положениям ЕКПЧ и решениям Европейского Суда, считаемых преюдициальными.

В числе «чисто политических преступлений», как влияющих «... только на политическую организацию государства», в докладе в качестве таковых упоминается только «клевета» на органы власти или аналогичные преступления», однако какие деяния относятся к таковым не говорится.

В то же время, в этом же разделе доклада (п. 9) отмечается, что не все лица, лишённые свободы за т.н. «политические преступления» являются «политическими заключёнными», если понесли наказание в соответствии с п. 2 статьи 10 Конвенции «Свобода выражения мнения», содержащего оговорку об ограничениях, установленных законом и необходимых в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц.

По логике, изложенные утверждения должны были быть закреплены и в п. «а» Резолюции, где в качестве основных прав, гарантированных ЕКПЧ, перечисляются свобода мысли, совести и религии (ст. 9), свобода выражения мнения и информации (ст. 10), свобода собраний и объединений (ст. 11) и другие права.

Это было бы справедливым и объективным, поскольку и статья 9 «Свобода мысли, совести и религии», и статья 10 «Свобода выражения мнения», и статья 11 «Свобода собраний и ассоциаций», и статья 2 «Право на жизнь», и статья 5 «Право на свободу и личную неприкосновенность», и статья 6 «Право на справедливое судебное разбирательство», и статья 7 «Наказание исключительно на основании закона» и др. содержат оговорки об ограничениях, установленных законом и необходимых в демократическом обществе в интересах общественного спокойствия, для охраны общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц [3, с. 6, 8-9, 11-13].

Более чем очевидно, что все разделы доклада, касающиеся искусственной классификации преступлений на чисто политические, другие политические и неполитические, содержат алогизмы, согласно которым даже если лицо не подпадает под предлагаемые критерии, тем не менее, оно будет считаться «политическим заключённым» если «... наказание является несоразмерным, дискриминационным или является результатом несправедливого судебного разбирательства» и «... если при лишении свободы власти руководствовались политическими мотивами».

Таким образом, получается, что «политическим заключённым» может быть названо (обозначено) любое лицо, однако для фактического признания необходим ряд процедур, оговоренных в Докладе. К сожалению, временные моменты в пояснительном меморандуме г-на К. Штрассера размыты, в результате чего во всех случаях первоначальные декларации воспринимаются и используются априори.

Что касается прописных истин, обозначенных в Докладе как критерии, то подавляющее большинство их никогда никем не оспаривались, оговоренные ситуации если и имели место,

но не в Азербайджане. Во всяком случае, во всех существовавших и существующих списках по Азербайджану таких «политзаключенных» нет и не было. Более того, произвольное лишение кого-либо свободы без связи с преступлением по законодательству Азербайджанской Республики само считается преступлением, предусмотренным ст. 292 Уголовного Кодекса [9].

Аналогичный характер имеют пункты ст. 3 Резолюции, признающие «политическими заключенными» «... если по политическим мотивам продолжительность содержания под стражей и его условия являются явно непропорциональными правонарушению, в совершении которого лицо подозревается или признано виновным» (п. «с») и «... если, по политическим мотивам, лицо содержится под стражей на дискриминационной основе по сравнению с другими лицами» (п. «d») [8, с. 41].

Между тем, сроки содержания под стражей подозреваемых, обвиняемых и осужденных строго обозначены в законе, нарушение этих сроков стороной обвинения либо администрацией пенитенциарного учреждения само по себе является преступлением [10].

Пропорциональность определяется судом на основании требований закона об учете личности, возраста, семейного положения, характеристики, наличия прошлых судимостей и других субъективных и объективных обстоятельств, отмеченных в УПК и УК.

Общеизвестно и то, что нет и не может быть тождественных, одинаковых преступлений и преступников, хотя бы потому, что существует такой фактор как время. При внешнем сходстве деяний и лиц будучи элементами бытия они различны по сути, что и обязан учитывать суд при определении срока лишения свободы. Свои решения в части сроков суд обязан обосновать в принятых документах и решения эти могут быть обжалованы в установленном законом порядке, а голословные утверждения о непропорциональности являются вмешательством в правосудие.

Это относится и к прецедентному праву, которое настойчиво внедряется в правовые системы, где его нет по определению, быть не может и не должно [4, с. 157-166].

Утверждение о содержании лица под стражей на дискриминационной основе, по сравнению с другими лицами, также является надуманным. Условия содержания под стражей определяются нормативными документами, едиными для всех лишенных свободы. Также едины места содержания под стражей, выбор которых регламентирует закон, а не субъективные «политические мотивы властей».

Что касается утверждения об отнесении лица к «политическим заключенным» «... если лишение свободы является результатом судебного разбирательства, которое было явно несправедливым (нарушение ст. 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (сноска наша)), и это связано с политическими мотивами властей» (п. «е» ст. 3), то оно требует более подробного анализа.

Так, согласно ст. 455 УПК Азербайджанской Республики, одним из оснований для рассмотрения судебных актов по новым обстоятельствам, связанным с нарушением прав и свобод, является определение Европейским судом по правам человека нарушения положений Конвенции «О защите прав и основных свобод человека» в судах Азербайджанской Республики при производстве по уголовным делам, досудебным упрощенным производственным материалам или жалобам в порядке особого обвинения [10].

Статья 459 УПК «Решение о пересмотре дела по новым обстоятельствам, связанным с нарушением прав и свобод, в связи с установлением Европейским судом по правам человека

нарушения Конвенции «О защите прав и основных свобод человека» при производстве уголовного преследования в судах Азербайджанской Республики» гласит:

«Пленум Верховного Суда Азербайджанской Республики, пересмотревший судебные акты в случаях, предусмотренных статьей 455.0.2 УПК, обладает правом принять одно из следующих постановлений:

- о полной или частичной отмене судебных актов соответствующих судов первой, апелляционной и кассационной инстанций, а также судебных актов в порядке дополнительной кассации, принятых с нарушением прав и свобод, о направлении материалов досудебного упрощенного производства или исполнительных материалов по жалобам в порядке особого обвинения для пересмотра в суд соответственного первой или апелляционной инстанции по касательству;

- об изменении постановления суда кассационной инстанции и (или) постановления, вынесенного в порядке дополнительной кассации в случаях, предусмотренных статьями 421.1.2 и 421.1.3 УПК;

- об отмене постановления суда кассационной инстанции и (или) постановления, вынесенного в порядке дополнительной кассации и вынесении нового постановления» [10].

Следовательно, все утверждения о несправедливости судебного разбирательства возможны лишь после рассмотрения дела Пленумом Верховного Суда Азербайджанской Республики в порядке производства по вновь открывшимся обстоятельствам о нарушении прав и свобод человека и завершении судебных перипетий, предусмотренных ст. 459 УПК Азербайджанской Республики.

До этого каких-либо законных оснований для утверждений о несправедливости судебного разбирательства не имеется, а, следовательно, нет и оснований для отнесения лица к «политическим заключенным».

В нашем же случае с Резолюцией ПАСЕ № 1900 телега оказалась впереди лошади, что подтверждает и ст. 5 Резолюции, в которой указано следующее: «... Ассамблея предлагает компетентным органам всех государств-членов Совета Европы повторно рассмотреть все дела, где, возможно, речь идет о политических заключенных, с применением вышеперечисленных критериев и, в зависимости от результатов, либо освободить таких заключенных, либо провести повторное судебное разбирательство» [8, с. 42].

Получилось, что сперва лицо признается «политическим заключенным» по причинам несправедливого судебного разбирательства, несоразмерности и дискриминационности лишения свободы, а затем предлагается провести новое судебное разбирательство для подтверждения голословных заявлений.

Из содержания Резолюции видно, что все основания для признания лица «политическим заключенным» связываются с «политическими причинами» и «политическими мотивами властей», однако связь эта определяется произвольно. А точнее, методика определения «политических причин и мотивов», да и содержание этих понятий в Докладе и Резолюции не определены, что искусственно порождает возможности для произвольных трактовок и утверждений, наблюдаемых при каждом случае появления «политических заключенных».

Это одна сторона вопроса, а другая заключается в том, что любой вид человеческой деятельности не застрахован от ошибок и злоупотреблений, чему свидетельство отмененные приговоры после отбытия 20 летних сроков лишения свободы в таких «оплотах демократии» как США, Великобритания, Франция и др. Имели место и казни невиновных, осужденных по

причине ошибок или злоупотреблений представителей судебных и правоприменительных органов.

Действительно, по большому счету за ошибки и злоупотребления своих представителей должно отвечать государство, что оно и делает, выплачивая компенсации пострадавшим с последующими регрессными требованиями к виновным, представляет письменные и устные извинения.

Однако, это не означает, что государство при этом является соучастником совершенных нарушений и злоупотреблений, поскольку кому-то такое представляется. В п. «е» ст. 3 Резолюции № 1900 именно так и указано, что если кому-то кажется (представляется (сноска наша)), что лишение свободы стало результатом очевидно несправедливого разбирательства, связанного с политическими мотивами властей, то лицо признается «политическим заключенным» [8, с. 42].

При этом, в п.п. «b», «с» и «d» говорится о политических причинах и мотивах неправомерных действий и решений, однако власть как таковая не упоминается. Между тем, неправомерные действия и решения представителя власти, совершившего неправомерные действия из личных корыстных, карьерных и иных причин и мотивов не могут считаться имеющими политическую подоплеку, что в каждом конкретном случае подлежит подтверждению или опровержению.

В Резолюции № 1900 и Докладе г-на К. Штрассера не говорится, что следует понимать под «политическими причинами» и «политическими мотивами». Лишь в п. 10 раздела 3.2. Доклада оговаривается, что политическим мотивам диссонирует личная выгода, однако понятие последней также не раскрывается.

Однако, независимыми экспертами Совета Европы и рядом правозащитников предложены собственные схожие дефиниции понятий «политические причины» и «политические мотивы», хотя и они являются неоднородными. Так, «... под политическими мотивами власти... понимаются мотивы представителей власти, способных повлиять на действия и решения правоохранительных органов и суда, связанные с их стремлением к упрочению или устрашению представителей иных политических течений, к созданию или поддержанию в обществе определенных настроений, к отъему или приобретению государственной собственности» [6].

Как видно, данная формулировка отделяет правоохранительные органы и суд от представителей власти, мотивы и причины действий и решений которых способны отнести лицо к политическим заключенным.

В другом определении «... под политическими мотивами... понимаются выявленное либо доказательно обоснованное не отвечающее закону влияние на принятие решений (действия или бездействие) правоохранительных органов, их должностных лиц в целях: упрочения либо сохранения политической или экономической власти отдельных лиц, групп и государственных институтов; прекращение или изменение характера законной должностной, общественно-политической или иной деятельности преследуемого лица либо третьих лиц; отъема, перераспределения, приобретения частной или корпоративной собственности в пользу государства либо третьих юридических и физических лиц; осуществления массовых кампаний по борьбе с отдельными видами правонарушений, совершаемых определенными категориями или группами лиц» [6].

И в этом случае, должностные лица правоохранительных и судебных органов к «носителям» политических мотивов и политических причин властей не отнесены, власть рассмат-

ривается как вышестоящее образование, а должностные лица правоохранительных и судебных органов как исполнители мотивов и причин власти.

В контексте изложенного определенный интерес представляют критерии, разработанные по поручению ООН бывшим Председателем Европейской комиссии по правам человека Карлом Оге Норгаардом, который в числе прочих отнес к таковым мотив преступника, т.е. было ли преступление совершено по политическим (например, для достижения или предотвращения достижения целей политической организацией, учреждением или органом) или личным мотивом; связь между правонарушением и преследуемой политической целью, например, непосредственность связи или пропорциональность между преступлением и преследуемой целью; вопрос, было ли деяние совершено во исполнение приказа или с санкции заинтересованной организации, учреждения или органа и др. [6].

Таким образом, можно утверждать, что понятия «политические причины» и «политические мотивы» подлежат конкретизации, поскольку существующие определения чреваты неоднозначным толкованием.

Резолюция ПАСЕ №1900 не содержит процедур трансформации лица, подозреваемого в совершении преступления либо признанного виновным (преступником) по решению суда, в «политического заключенного». Лишь в статье 5 отмечается, что «Ассамблея предлагает компетентным органам все государств-членов Европы повторно рассмотреть все дела, где возможно, речь идёт о политических заключенных, с применением вышеперечисленных критериев и, в зависимости от результатов, либо освободить таких заключенных, либо провести повторное судебное разбирательство».

Итак, «возможно», т.е. может быть или не быть. Оригинальная установка для предписания!

Согласно «Доклада» г-на К. Штрассера, алгоритм появления «политических заключенных» состоит из следующих взаимосвязанных этапов (процедур):

- «... те, кто утверждает, что конкретный человек является политическим заключенным, должны представить соответствующие материалы по делу»

- «... Эти материалы затем передаются соответствующему государству...»,

- «... которое в свою очередь, имеет возможность представить доказательства, опровергающие эти утверждения».

- «... утверждение о том, что лицо является «политическим заключенным», должно подтверждаться доказательствами *prima facie*...»

- «... государство обязано доказать, что задержание было произведено в полном соответствии с требованиями ЕКПЧ в интерпретации Европейского Суда по правам человека, настолько, насколько это касается существа дела, что были соблюдены требования пропорциональности и недискриминации, и что лишение свободы явилось результатом справедливого судебного разбирательства»

- «... если государство-ответчик не может доказать, что лицо лишено свободы в полном соответствии с требованиями ЕКПЧ в интерпретации Европейского Суда по правам человека, настолько, насколько это касается существа дела, что были соблюдены требования пропорциональности и недискриминации, и что лишение свободы явилось результатом справедливого судебного разбирательства, заинтересованное лицо считается политическим заключенным»

- «Лица, уполномоченные установить политический характер содержания под стражей, могут также применять *mutatis mutandis*, прецедентное право Европейского Суда по фактическим выводам в случаях, когда государство-ответчик отказывается сотрудничать и предоставить документы или другую информацию, находящуюся в исключительном распоряжении властей» [2].

Рассмотрим жизнеспособность описанных процедур в аналогичной последовательности.

Как правило, инициатива в признании лица «политзаключенным» принадлежит правозащитным и партийным организациям, иным объединениям политического толка и т.п. В последнее время, узрев в статусе «политический заключенный» возможность освобождения от наказания или сокращения его сроков, работу в этом направлении начинают сами арестованные или осужденные, их родственники и защитники-адвокаты.

Любой продвинутый карманник может заявить, что украл портфель из навороченного «Мерседеса» из политических соображений в знак протеста против несправедливости, коррупции, подавления свобод и т.п.

История знает много подобных экспроприаторов, некоторые из которых в последующем возглавили партии, государства и правительства, причем убеждений своих не сменили. Как не прецедент?

Во всяком случае почва для инициирования процесса о признании лица политзаключенным налицо. Мы не утрируем, а исходим лишь из пояснительного меморандума.

В «Докладе» не говорится, кому должны быть представлены соответствующие материалы по делу перед передачей их государству и какие документы к таковым относятся. Тем не менее, сложилась практика, согласно которой подобные материалы поступают в национальные правозащитные организации, специализирующиеся на проблеме политзаключенных и ведущие их учет с последующим периодическим оглашением составленных списков [1].

В ряде случаев, обращения о признании лица политическим заключенным поступают непосредственно в международные институты человеческого измерения, которые координируют свои действия с отдельными национальными правозащитными организациями, в зависимости от устоявшихся связей и сложившихся симпатий.

Материалами по делу являются копии процессуальных документов (приговоров, постановлений, протоколов, ходатайств и т.п.), полученные от защитника-адвоката, подозреваемого, обвиняемого или осужденного либо из открытых информационных баз правоохранительных или судебных органов.

Представляется, что эти документы, за исключением ходатайств защиты, в подавляющем большинстве своем не будут содержать доказательственную информацию о политическом характере и политических причинах лишения свободы, однако возможны и явные случаи, нашедшие в последующем оценку в решениях Европейского Суда.

Вопросы доказывания и доказательств, являющиеся основными при любом характере взаимодействия, решаются в «Докладе» неоднозначно. Так, оппонентам властей достаточно представить утверждения, подтвержденные т.н. доказательствами «*prime facie*», а «... государство обязано доказать, что задержание было произведено в полном соответствии с требованиями ЕКПЧ в интерпретации Европейского Суда по правам человека...», что были соблюдены требования пропорциональности и недискриминации, и что лишение свободы явилось результатом справедливого судебного разбирательства».

По утверждению Стефана Трехселя, нашедшему отражение в «Докладе», если государство не может доказать изложенные выше утверждения, то «... лицо считается политическим заключенным» [2].

Как известно, в одном из значений, «prima facie» означает очевидное и достаточное доказательство, кажущееся достоверным при отсутствии опровержения и представляемое в порядке опровержимой презумпции «при отсутствии доказательств в пользу противоположного». То есть, это доказательство, достаточное для начала процесса, но не всегда достаточное для вынесения решения.

Согласно пункту 13 «Доклада», «... лица, уполномоченные установить политических характер содержания под стражей, могут также применять *mutatis mutandis*, прецедентное право Европейского Суда по фактическим выводам в случаях, когда государство-ответчик отказывается сотрудничать и предоставить документы или другую информацию, находящуюся в исключительном распоряжении властей».

Понятие «*mutatis mutandis*» (лат.) - с заменой того, что подлежит замене; с учетом соответствующих различий; с изменениями, вытекающими из обстоятельств, с соответствующими изменениями, - понятие, позволяющее применять по аналогии решения Европейского Суда по правам человека [7]. В нашем случае, «*mutatis mutandis*» предлагается применять лицам, уполномоченным установить политический характер лишения свободы «... в случаях, когда государство-ответчик отказывается сотрудничать и представить документы или другую информацию, находящуюся в исключительном распоряжении властей» (п. 13 «Доклада»). Получается, что если государство-ответчик сотрудничает с инициаторами процесса о признании лица политическим заключенным, предоставляет все необходимые документы, то «*mutatis mutandis*» применять нельзя. Во-вторых, применение прецедентного права и ссылка на те или иные решения Европейского Суда не одно и то же. В-третьих, если даже какое-то лицо либо организация сошлется в своих утверждениях на прецеденты Европейского Суда, то вопрос этим не исчерпывается, поскольку доказательственная сила подобных утверждений в споре с государством-ответчиком не прибудет, а противные рассуждения будут субъективными.

Каждая сторона обосновывает свои выводы, представляет свои доказательства, порой одни и те же, но с разной оценкой. Беспристрастный арбитр, который способен определить правоту одной из сторон отсутствует, в «Резолюции» и «Докладе» он не определен, а это позволяет не принимать противные доводы.

Однако, главным в данной ситуации мы видим проблему доказывания и доказательств, которая и в «Докладе» и в «Резолюции» искусственно камуфлирована общими несостоятельными и неисполнимыми утверждениями-лозунгами.

Так, неоднократно употребляя термины «доказательство» и «доказывание» разработчики и «Доклада» и «Резолюции» игнорируют положения национальных законодательств, сводя эти понятия до житейско-обывательского уровня. Между тем, согласно ст. 124 УПК Азербайджанской Республики, доказательствами по уголовному преследованию признаются достоверные данные (сообщения, документы, предметы), полученные судом или стороной уголовного процесса. Эти сообщения, документы и предметы могут быть приняты в качестве доказательств, если нет сомнений в их подлинности, источнике происхождения и обстоятельствах получения, случаи недопустимости доказательств перечислены в ст. 125 УПК. Достаточность доказательств, правила их собирания, проверки и оценки также определяются

законом (ст. ст. 143-145 УПК). Согласно ст. 138 УПК, доказывание состоит из собирания, проверки и оценки доказательств с целью установления обстоятельств, имеющих значение для законного, обоснованного и справедливого разрешения обвинения. Обязанность доказывания оснований для привлечения лица к уголовной ответственности и его виновность возлагается на обвинителя [10].

Физические и юридические лица, к которым можно отнести правозащитников и правозащитные организации, вправе представлять предметы и документы, а также устные или письменные сведения, которые могут быть признаны доказательствами. Однако, признание сведений, предметов и документов доказательствами осуществляется органами, осуществляющими уголовный процесс и только в ходе судопроизводства. Также, собирание доказательств (ст. 143.1 УПК) осуществляется путем проведения допросов, очных ставок, выемок, обысков, осмотров, экспертиз, предъявления для опознания и других процессуальных действий в ходе предварительного расследования и судебного разбирательства [10].

Таким образом, из содержания раздела 3.4. «Доклада» исходит, что бремя доказывания возлагается на государство, поскольку «... те, кто утверждает, что конкретный человек является политическим заключенным, должны представить соответствующие материалы по делу». О доказательствах и, следовательно, о доказывании, изложенной процедуре ничего не говорится; что должны содержать «соответствующие материалы» не оговаривается. Государству-ответчику представляются «соответствующие материалы», по сути своей содержащие вопрос о причинах неправомерного отношения (обращения) с потенциальным политическим заключенным, государство начинает оправдываться, в результате чего процедура с «политическим заключенным» запускается без каких-либо оснований и доказательств. Как правило, государство предоставляет доказательства, опровергающие утверждения вопроса, однако, в большинстве своем, они игнорируются, поскольку оцениваются в соответствии с политическими установками, а не правовыми положениями, вопрос трансформируется в утверждения.

Если убрать из «Доклада» и «Резолюции» все алогизмы и пассажи (во втором значении данного слова), призванные камуфлировать истинные цели их разработчиков, то останется лишь примитивная схема грубого вмешательства во внутренние дела государства [5, с. 173-184].

Тем не менее, резолюция ПАСЕ № 1900 уже принята, однако, как справедливо отмечают азербайджанские исследователи, она не догма и для функционирования, должна быть дополнена реальными положениями, направленными на действительную защиту прав и свобод человека, а не политически ангажированными сиюминутными утверждениями [11, с. 112-117].

Представляется, что инициатива в этом направлении должна исходить из Азербайджана, что сметёт спекулятивные инсинуации в наш адрес, покажет истинную заинтересованность в решении проблемы, наличие потенциала для этого.

Библиография

1. Аллахвердиев Р.С. Политзаключенные и политзащитники [Электронный ресурс]. URL: <http://mopi.bakuvirtual.net/wp-content/uploads/2012/04/Аллахвердиев-Р.С.-Политзаключенные-и-политзащитники.pdf>

2. Доклад Комиссии ПАСЕ по юридическим вопросам и правам человека, докладчик: г-н К. Штрассер. Текст, принятый ПАСЕ 3 октября 2012 г. (33-е заседание). [Электронный ресурс]. URL: <http://helsinki.org.ua/index.php?id=1349455154>
3. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод, изм. и доп. Протоколами № 11 и № 14 в сопровождении Дополнительного протокола и Протоколов № 4, 6, 7, 12, 13 и 16. Европейский суд по правам человека, Страсбург: 2013, 63 с.
4. Исмаилова С.Р. Проблемы имплементации резолюции ПАСЕ №1900(2012) в национальное и уголовно-процессуальное законодательство // Юридические науки и образование. 2017. -№ 51. – С. 157-166.
5. Исмаилова С.Р. Политзаключенные и правозащитники в уголовном процессе // Юридические науки и образование. 2018. -№ 56. – С. 173-184.
6. Критерии, выработанные независимыми экспертами Совета Европы в отношении дел «политических заключенных». [Электронный ресурс]. URL: <https://salidarnasc.livejournal.com/56437.html>
7. Понятие “mutatis mutandis”. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wiktionary.org/wiki/mutatis_mutandis
8. Резолюция ПАСЕ №1900/2012 от 03.10.2012 г. «Определение политического заключенного» / 33-е заседание ПАСЕ. Документы, принятые Ассамблеей. 1-5 октября 2012 г. - С. 41-42
9. Уголовный кодекс Азербайджанской Республики (по сост. на 30.05..2023 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353
10. Уголовно-процессуальный кодекс Азербайджанской Республики (по сост. на 17.02..2023 г.). [Электронный ресурс]. URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280
11. Ширалиева Н.А. «Политические заключенные» в системе международных отношений // Юридические науки и образование. 2021. -№ 64. – С. 112-117.
12. http://www.iolr.org/?page_id=3117

Suleymanov J.I.*

DOI: 10.25108/2304-1730-1749.iolr.2023.73.115-128

UDC: 343.1

**Paradoxes of PACE Resolution No. 1900
“Definition of a political prisoner”**

Abstract: Recently, there have been attempts by “friends” of Azerbaijan to spin the flywheel of the rather mossy issue of political prisoners with a view to using it against persons detained as a result of local anti-terrorist measures to restore the constitutional order throughout the territory of our state.

The musty smell from the same cesspits of the special services, camouflaging the business projects of the owners to interfere in the internal affairs of self-sufficient states and peoples, with the togas of human rights defenders over the capes of the crusaders.

*Suleymanov Javanshir Islam oglu – an expert of the Institute of Law and Human Rights, Doctor of Juridical Sciences, Professor (Azerbaijan). E-mail: mopi_sid@yahoo.com

Since 2012, with the same method of double standards, the boggy of PACE resolution No. 1900 “Definition of a political prisoner” has been used for these purposes.

However, the Resolution No. 1900 (2012) “Definition of a political prisoner” and the explanatory Memorandum to it contain contradictions and inaccuracies that exclude the applying of forming conglomerate for its intended purpose.

The concepts of “political reasons” and “political motives” are subject to concretization, since the existing definitions are fraught with ambiguous interpretation.

Repeatedly using the terms “proof” and “proving”, the developers of both the “Report” and “Resolution” ignore the provisions of national legislations, reducing these concepts to the everyday-philistine level.

Keywords: political prisoner; PACE Resolution; European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms; burden of evidence; political reasons and motives.

References

1. Allahverdiyev R.S. Political prisoners and political defenders. Available at: <http://mopi.bakuvirtual.net/wp-content/uploads/2012/04/Allahverdiyev-R.S.-Politicalprisoners-and-political-defenders.pdf> (in Russian).
2. Report of the PACE Commission on Legal Affairs and Human Rights, Rapporteur: Mr. Ch. Strasser. Text adopted by PACE on October 3, 2012 (33rd meeting). Available at: <http://helsinki.org.ua/index.php?id=1349455154> (in Russian).
3. European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, amended. and additional Protocols No. 11 and No. 14, accompanied by an Additional Protocol and Protocols No. 4, 6, 7, 12, 13 and 16. European Court of Human Rights, Strasbourg: 2013, 63 p.
4. Ismayilova S.R. Problems of implementation of PACE resolution No. 1900 (2012) into national and criminal procedural legislation // Juridical Sciences and Education. 2017. No. 51. P. 157-166. (in Russian).
5. Ismayilova S.R. Political prisoners and human rights defenders in criminal proceedings // Legal sciences and education. 2018. No. 56. P. 173-184. (in Russian).
6. Criteria developed by independent experts of the Council of Europe in relation to cases of “political prisoners”. Available at: <https://salidarnasc.livejournal.com/56437.html> (in Russian).
7. The concept of “mutatis mutandis”. Available at: https://ru.wiktionary.org/wiki/mutatis_mutandis (in Russian).
8. PACE Resolution No. 1900/2012 of October 3, 2012 “Definition of a political prisoner” / 33rd PACE meeting. Documents adopted by the Assembly. October 1-5, 2012 - pp. 41-42 (in Russian).
9. Criminal Code of the Azerbaijan Republic (as of 30.05.2023). Available at: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420353 (in Russian).
10. Criminal Procedure Code of the Azerbaijan Republic (17.02. 2023). Available at: https://continent-online.com/Document/?doc_id=30420280 (in Russian).
11. Shiraliyeva N.A. “Political prisoners” in the system of international relations // Juridical Sciences and Education. 2021. No. 64. P. 112-117. (in Russian).
12. http://www.iolr.org/?page_id=3119&lang=en